

УПАСТЬ ВВЕРХ

НАД ПРОПАСТЬЮ ВО ЛЖИ

Николай КЕРНОГА,
журналист, лауреат
Государственной
премии Республики
Беларусь

Журналистские пути-дороги часто приводили меня в суды. В одном из них услышал упрек: мол, подавай вам дела громкие да сенсационные, между тем негромкие содержат не менее любопытные выводы и обобщения. Так в моем блокноте появилась запись: «Альберт Коробков. Лжесвидетельство».

ЛЕГЧЕ ВСЕГО СОВЕРШИТЬ, ПРОЩЕ ВСЕГО СКРЫТЬ

Пытаюсь представить его лежащим на земле. Испуганным, беспомощным... Вот он приподнимается, чтобы встать, но, увидев замахнувшуюся для удара ногу, закрывает лицо руками. Пинок, еще один... Он так и сидит, пригнувшись к коленям, боясь открыть лицо. Боясь не столько ног хулигана, сколько зубов его собаки. Овчарка бросается на него всякий раз, как хозяин взмахивает ногой... Нет, не могу представить Альберта Коробкова беспомощным и беззащитным. Мешает высокий рост, атлетический разворот плеч. Такого молодца встретишь на улице – залобуешься... Только вот глаза – никак не вяжутся они с горделивой осанкой. Нет в них той изумленно-радостной открытости миру, что так свойственна молодым, у которых впереди вся жизнь. Взгляд не то чтобы потухший – будто обращенный внутрь. Не появился ли такой взгляд у него в тот час, когда в народном суде одного из районов Минска зачитали приговор: полтора года лишения свободы за дачу заведомо ложных показаний? Срок он отбыл, и вспоминать о проведенных в колонии днях не любит. Как и о том, почему из потерпевшего превратился сначала в лжесвидетеля, а затем в подсудимого. Однако ж вспомнить надо.

В тот вечер Коробков и двое его друзей, проходя по двору жилого дома, задержались у столика, за которым четверо парней «забивали козла». Постояли, посмотрели и пошли себе дальше. Вдруг один из игравших, как позже стало известно – Константин Борисенко, слесарь ОКБ известного минского объединения, кинул костяшки на стол, громко приказал:

– Эй, вы! Стойте!

Двое замедлили шаг, Коробков же, напротив, прибавил. Это не понравилось Борисенко:

– Граф, сторожить!

Огромная овчарка, бегавшая по двору без намордника, в несколько прыжков настигла парней. А Борисенко, догнав Коробкова, ударил его по голове. Тот пошатнулся, но на ногах устоял. Завязалась драка. Хулиган понял, что Коробкова ему не одолеть. Тогда-то и крикнул:

– Граф, взять его!

За Коробкова вступились друзья. Борисенко стал натравливать овчарку на всех троих. В это мгновение из-за угла дома появилась патрульная машина... Во время следствия Борисенко всячески изворачивался, но показания потерпевших, а также свидетелей позволили полностью восстановить картину происшедшего.

И вот судебное разбирательство... Судья просит Коробкова рассказать, как все произошло.

– А что рассказывать-то? Ничего такого не было. Шел я с друзьями мимо столика, за которым играли в домино четверо парней. Упал, ушибся. Борисенко помог мне встать...

– Значит, он вас не ударил?

– Нет, такого не было.

– А собаку натравливал?

– Этого тоже не было.

– Однако есть ваше заявление в милицию, написанное в тот день, когда это случилось,

и показания следствию. В них вы утверждаете совершенно обратное тому, что говорите сейчас.

– Тогда я погорячился...

– Допустим. Но к делу приобщен результат медицинского освидетельствования. Среди многочисленных ушибов, ссадин имеются следы, оставленные зубами собаки. Как вы это объясните?

– По дороге в поликлинику на меня напал бродячий пес...

Суд пришел к выводу, что Коробков лжесвидетельствует, и возбудил уголовное дело. Лжесвидетеля приговорили к году и шести месяцам лишения свободы.

– Да, не повезло мне, – сокрушенно вздыхает он.

– Разве вас не предупреждали об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний?

– Как же, предупреждали. Но думал, что это формальность.

Люди издавна расценивали ложь как порок, как пропасть, ведущую к разрушению личности. Невозможно назвать и малую толику пословиц и поговорок, в которых народы, основываясь на вековом нравственном опыте, выразили резко отрицательное отношение к ней. Мы с детства слышим: лгать – нехорошо. А ложь, тем не менее, процветает. Не потому ли, что этот порок легче всего совершить и проще всего скрыть? Человек, впервые солгавший, возможно, и испытывает чувство стыда. Но оно быстро проходит. Ведь ставка на то, что твоя ложь останется не известной людям, – это ставка на безнаказанность. Ну а в случае, когда тайное выплывает наружу, – расчет на доброту окружающих. В пьесе Гельмана «Человек со стороны» один из героев говорит, что ложь неэкономична. То есть она невыгодна обществу в целом. А отдельному человеку? Статистика свидетельствует: из каждых ста лжесвидетелей восемьдесят восемь обвиняют уже в процессе следствия и суда. Так что зря Коробков сокрушался, что ему не повезло. Не везет почти всем, кто встает на этот путь.

– Как бы там ни было, срок я отбыл, с обществом в расчете, – говорит Коробков.

– А с самим собой?

Мой вопрос не случаен. Общеизвестно: личность начинается со строгости к себе. Коробков этим качеством похвастать пока не может. Закончив среднюю школу, начал работать на часовом заводе. Не понравилось. Устроился грузчиком в ресторан. А тут эта история... В колонии грубо нарушал распорядок. Выйдя на свободу, почти три месяца бездельничал.

Так что – урок не пошел впрок? Тогда откуда этот обращенный в себя взгляд?

«МОЙ ПРИНЦИП: НЕ ОБМАНЕШЬ – НЕ ПРОЖИВЕШЬ»

«На днях попала в руки газета «Рэспубліка». Увидев вашу фамилию, вспомнил наши встречи и беседы. В ресторане, где я тогда работал, после вашей публикации (в одной из центральных газет бывшего Союза. – Авт.) на меня стали смотреть, сами знаете как... А потом предложили в целях перевоспитания пойти на завод. Но пробыл я там недолго... Да, когда мы встречались, я много размышлял о жизни. Вы это заметили. Но «обращенный внутрь взгляд» расценили как работу души, направленную на самоочищение. Так вот, не хочу я очищаться. Не от чего и незачем. Пусть этим занимаются хлипкие интеллигентки, для них самокопание в душе – способ существования и источник вдохновения. Я же человек дела. Мои боги: напористость, наглость, достижение цели во что бы то ни стало. Мои принципы: работай локтями как можно энергичнее, не обманешь – не проживешь. Это только вначале я переживал, что стал лжесвидетелем. Кто теперь не врет?! Держу пари на 1000 долларов, если и есть сегодня честный человек, то это самый что ни на есть неудачник. А мне мои принципы помогают преуспевать. Я поступил в техникум, женился, завел собственное дело. Жена не считает тысячи, не то что рубли... Сейчас успех у тех, кто, говоря вашими же словами, балансирует «над пропастью во лжи». Не верите – готов встретиться. Альберт Коробков».

Вот такое письмо пришло ко мне спустя некоторое время после публикации материала о лжесвидетельстве. Мы встретились

в редакции, затем в офисе Коробкова. На прощание он передал мне дневник, разрешив напечатать выдержки.

Я не раз спрашивал себя, стоит ли это делать. И решил, что стоит. И не только для того, чтобы передать атмосферу зарождения в стране рыночных отношений. Важнее, на мой взгляд, иное: подобные взгляды, настроения, убеждения отнюдь не правило без исключения. И бороться с ними, искоренять их легче, если вовремя предавать гласности.

Год 1989-й

10 марта. Вчера отмечали день рождения Юлечки – дочери исполнился год. Пришли Вадим и Андрей с женами, подруги жены, ее родственники. Гуляли до пяти утра. Я перебрал, Тамара по этому поводу устроила скандал. И что моей женушке неймется? Все у нее есть, а вот попрекает...

9 апреля. Кафешка моя расположена поблизости от вокзала. Люд в основном либо приезжий, либо отъезжающий.

18 апреля. Три дня был в Москве. Жуткий город. Ощущение такое, будто каждый, с кем соприкасаешься, стремится тебя надуть. Воровство, взятки, обман на каждом шагу. Б. Е., к которому приезжал, чтобы навести мосты, сказал: «Время такое. Не умеешь ты обмануть – тебя обманут». Расхохотался и добавил: «С такими, как я, ушки держи на макушке». Нет уж, подумал, черта с два ты меня объегоришь, скорее я тебя нагрею.

7 июля. Работать трудно. Проверяющие ходят будто по графику. Особенно лютуют санитарщики. Ничего, нашел и от них «лекарство»...

Год 1990-й

8 марта. Заезжала Наташа. Мы давно не виделись, и я не узнал ее – почернела вся и будто сгорбилась. Произошла история дикая, нелепая. Андрея, моего друга и мужа Наташи, отправили на три месяца в командировку в Алма-Ату. Каждую неделю он посылал жене телеграммы, письма. Она решила преподнести ему сюрприз – навестить его в день рождения. Приехала. Заходит в комнату, а там на диване – девица... Законная супруга Андрея. Оказывается, он «потерял» паспорт, тайком вернулся в Минск, за пять дней провернул новый и за-

регистровал брак в алма-атинском загсе. Наташа слегла в больницу, только вчера выписалась...

Год 1991-й

11 апреля. Три часа ночи. Уснуть не могу. И пишется с трудом. В квартире пахнет вальерьянкой, на полу, на столе, на диване разбросаны деньги. Если их собрать и сложить стопку – полметра будет. Эти полметра Тамара и разметала по квартире... Сегодня пришел с работы рано. Тамара, ни слова не говоря, повела меня в кабинет, включила автоответчик. Услышал голос и обмер: Клава! «Здравствуй, мой ненаглядный Колобок! Напоминаю тебе о нашей пятнице, за месяц соскучилась по тебе безмерно...» И так далее, в том же духе... «Я жду объяснений», – напомнила Тамара тихим голосом. «Неуместный розыгрыш». «И кто же тебя разыгрывает?» – снова тихо так, умиротворенно. «Да кто ж его знает», – пожал я плечами. «А это что?» – она на мгновение вышла и вернулась с фотографиями. – «Не хочешь взглянуть?» Я и Клава в каминном зале ресторана, я и Клава на пароходе, я и Клава входим в подъезд ее дома, я и Клава... «Откуда?» – «Наняла частного детектива». – «На мои деньги?» Она опять вышла и опять вернулась, держа в руках полуметровую стопку денег. «Возьми их себе, нам с Юлечкой они больше не нужны...» – и швырнула мне их в лицо. Не знаю, как сдержался, как выскочил на улицу... Полночи прошатался, как пьяный. И вот сижу над тетрадкой. Странно, но уже один ее вид успокаивает, настраивает на философский лад. Клава, красивая сорокалетняя баба, была самой лютой санитарщицей. Штрафовала беспощадно. А где-то полгода назад, когда Тамара уже ушла, а я остался кое-что сделать по мелочам, нахально заявила чуть ли не с порога: «Закрою твою кафешку-гавнешку, если не пойдешь со мной...» Сначала я не врубился, о чем речь. Принял ее слова за остроумную шутку... В общем, ушли мы вместе. Клава жила в шикарно обставленной однокомнатной квартире. В сексе была ненасытной. Мы встречались по пятницам. Это было своеобразной платой с моей стороны. Я находил такое положение забавным: еженедельно давал своего рода

взятку за то, чтобы санстанция мою кафешку обходила стороной. Не скажу, что мне это было неприятно. Но поступал я так исключительно в интересах семьи.

7 октября. Прощай, кафешка! Это Тамара поставила ультиматум: либо кафе – либо она и Юлечка.

Год 1992-й

2 января. Последний месяц 1991 года оказался очень результативным. Удача сама бежит мне в руки. На приеме в одном из посольств познакомился с иностранцами. Договорились начать совместное дело. Именно то, что я и хотел, – сборка компьютеров. Поставка комплектующих – из-за «буфа», сборка – за мной. Надо сколачивать команду, искать помещение.

19 марта. Подсутился и поменял «деревянные» на доллары по выгодному курсу. Тамара, когда увидела пачку «зелененьких», почти растаяла. Про Клаву вспоминает все реже.

7 июня. Вечер провели в «Планете». Замачивали СП. Создали его буквально за неделю. Вот что значит иметь общак для пробивания чиновничьих лбов и бюрократических мундиров.

9 сентября. А редактирует-то «Рэспубліку» тот самый очкарик, который прославил меня на весь Союз. Даже из Перми бывший сокамерник письмецо толкнул, узнал о Коробкове... И что отмочил очкарик: ложь неэкономична. Еще как экономична! Я загремел в тюрьму по дурости – пацаном, в сущности, был. А теперь твердо знаю: не лги – заповедь христианская, но не для всех христиан.

23 октября. Дважды встречался с редактором «Рэспублікі». В результате переговоров, как пишут в газетах, стороны не пришли к взаимопониманию... Теперь время сильных личностей. Только они могут поднять экономику, накормить и одеть людей. И если не все средства для этого хороши, то, во всяком случае, многие. Надо идти к этой цели, не цепляясь за морализаторские догмы вроде «не лги...». Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы я действовал иначе.

9 декабря. Был на Комаровке. Улица Веры Хоружей, как идти с площади Якуба Коласа, сплошь в «комках». В них плечистые парни. Короткие прически, кожанки, крестики

на груди. Крестики – вроде «обращенного внутрь взгляда». Для видимости, для того, чтобы бабуся, пришедшая любимому внуку жвачку купить, думала, что человек за прилавком с Богом в душе, а значит, милосердный, не обманет. Обманет! Таково правило игры. Ведь он – звено в цепочке лжи, а ее истоки – там, где воруют гуманитарную помощь, берут взятки, фабрикуют фиктивные документы, подчищают цифры в отчетах...

ПРЕДЛОЖИЛ СЫГРАТЬ НА... ЖЕНУ

Получив письмо Коробкова, я подумал: бравировать парень. После встречи с ним понял, что ошибся. Это скорее позиция, сформированная в перестроечное и постперестроечное время, когда трудолюбие, доброта, милосердие ценились все меньше, а «умение жить», изворотливость, нахрапистость – все больше. Окончательная ли она? Не могу сказать ни «да», ни «нет», так как не верю в искренность записей. Человек умный, Коробков прекрасно понимал, что явилось причиной трагедии семьи его друга. Наташу больше всего подкосила не измена мужа (я выяснил подробности этой истории. – **Авт.**), а его лицемерная ложь. Не может Коробков «выбросить ложь за борт» и в треугольнике «Альберт – Тамара – Клава». Не мог и в ночь, когда жена швырнула ему в лицо полметра сторублевок, написать то и так, что только что было процитировано. Страница в дневнике, где идет об этом речь, сочинялась явно позже, ибо приклеена на место вырванной. Специально для редактора-очкарика писал? Столь явное стремление «подпустить тufты» побудило меня навести справки. Выяснилось, что в тетрадочку записывалось лишь то, что приятно. Человек, выходит, неискренен даже с самим собой.

Связь с лютой санитарщицей (полагаю, что это санитарный врач) Коробков объясняет интересами семьи. А чем объяснить иные факты, о которых в тетрадочке – ни слова? После попойки в «Планете» уже «теплая» компания отправилась к Коробкову домой. Добавили. Сели играть в карты на вещи. Хозяин проиграл дубленку, кожаную

куртку, швейцарские часы. Когда из вещей ставить было нечего, он предложил сыграть на... жену. Иностранцы опешили, Тамара выбежала из комнаты... Проспавшись, Коробков заявил, что хотел пошутить. Да, Тамара простила его за Клаву. Но не простила за все остальное. В одном из нарсуудов города лежит ее заявление по поводу расторжения брака с Коробковым.

Он не скрывает, что честно делать дело не намерен, что это путь, ведущий к неудаче. К такому выводу пришел, основываясь только на собственном опыте? От ответа на этот вопрос он уклонился. Все же, с кем довелось говорить о нем, отмечали его хватку и напористость, а многие прямо подчеркивали, что такие изворотливые да быстрые нынче и нужны. Возможно. Однако ни из встреч с Коробковым, ни из дневниковых записей, ни из бесед со знающими его людьми не сложился у меня образ удачливого и счастливого бизнесмена.

Только время может либо подтвердить, либо опровергнуть это впечатление. Только время может окончательно ответить на вопрос: хорошо ли живется «над пропастью во лжи»? Потому и решил не ставить точку в этой истории, отслеживать судьбу Коробкова и дальше.

«НАЧИНАЮ С ЧИСТОГО ЛИСТА...»

Суд не развел их, дал три месяца на примирение. За это время Коробков продал бизнес. А однажды утром Тамара обнаружила на столе записку: «Меня не ищи». Объявился лишь спустя полгода – прислал на содержание Юли крупную сумму из Сургута. Деньги стали поступать регулярно, но о себе ничего не сообщал. Тем не менее Тамара узнала: владеет магазином, намеревается заняться нефтяным бизнесом. Вскоре прислал заявление в суд о расторжении брака, что Тамару обрадовало, – ее тяготило положение жены, муж которой в бегах.

Мои звонки Тамаре становились все реже. Никаких новостей у нее не было. Деньги же на содержание Юли поступали ежемесячно и обязательно – к дню ее рождения.

Однажды, пешком возвращаясь с работы по обычному своему маршруту – через парк

имени Горького, я за одним из столиков, что стоят вдоль набережной под красочными зонтами, увидел Коробкова. Рядом сидела девочка лет восьми. Оба ели мороженое и чему-то улыбались. Я решил подойти. Коробкова мое появление не смутило, казалось, он даже обрадовался встрече. Когда девочка отправилась за второй порцией мороженого, сказал:

– Это Зиночка, моя приемная дочь. Я ведь там, в Сургуте, женился...

В Минск он переехал в 2002 году. Купил пятикомнатную квартиру в доме напротив больницы скорой помощи, коттедж за городом в Слуцком направлении. Жена врач, пока у них только Зиночка, но планируют прибавление в семействе. Бизнес в Сургуте продал, купил новый в Серпухове Московской области. Почему именно там? Так получилось. Работает почти вахтовым методом – месяц в Серпухове, на недели две приезжает в Минск. Да, неудобно, но это временно.

Мы прошли по парку к улице Фрунзе, где была стоянка машин. Коробков подвел меня к роскошному «Мерседесу» с тонированными стеклами, предложил подвезти, но я отказался. На прощание обменялись номерами телефонов.

Издredка мы перезванивались. У Коробкова все было, как он любил повторять, «тип-топ»: бизнес расширялся, доходы росли, уже открыл фирму и в Москве. Затем я «потерял» его: не отвечал ни один телефон – ни серпуховский, ни минский, ни мобильный. Ничего не знала о бывшем муже и Тамара. Деньги на содержание Юли поступать перестали, но это ее мало огорчало – она удачно вышла замуж, и материально семья была обеспечена. Осенью я лег в больницу. И вот, гуляя по живописной аллее больничного сада, вдруг вижу: навстречу идет... Коробков. Мы не виделись пять лет, поговорить было о чем, но он явно торопился – ему надо было проведать отца, которому сделали сложную операцию, затем успеть на деловую встречу... Уже прощались, когда он странно посмотрел на меня и сказал:

– Мне надо вам кое-что передать. Давайте встретимся завтра в это же время в этом же месте.

Мы встретились и более часа проговорили. Вернее, говорил в основном Коробков.

До 2006 года у него все складывалось как нельзя лучше. Он даже купил жилье в Москве. Весной Зиночка должна была закончить четвертый класс, и он намеревался покончить с вахтовым методом, обосноваться всей семьей в новой квартире. И вот тут-то начались неприятности. В свое время Коробков одолжил крупную сумму под большие проценты у приятеля-бизнесмена, знакомого по сургутским делам. Но тот проворовался, его посадили. Платить долг было некому, постепенно Коробков о нем забыл. Но не забыл приятель. Отсидев пять лет вместо восьми, он неожиданно объявился в Москве. И тут Коробкова черт попутал: решил долг не платить, скрыться от кредитора. Его дважды ловили, дважды избили. Второй раз очень жестоко. Он отвез семью в Мозырь, к родителям, продал квартиры в Москве и Минске, серпуховский бизнес и отдал почти весь долг. Однако кредитора это не устроило – он требовал всю сумму и поставил Коробкова «на счетчик». Но оставшиеся деньги тот к назначенному сроку вернуть не успел и... получил две пули. Была бы и третья, но киллерам помешали два курсанта военной академии – они как раз выходили из подъезда, когда в Коробкова стреляли, иначе лежать ему под могильной плитой.

– Почти три месяца я провалялся в больницах. Много о чем передумал. Помните, писал вам когда-то: самокопание в душе – удел интеллигентных хлюпиков... Не понимал, что это нормальное человеческое желание: остановиться, оглянуться, подумать над тем, как жил, как живешь, как будешь жить. Вот и я задумался. И выводы, к которым пришел... Да что тут говорить... На обмане долго не продержишься. Рано или поздно приходится платить по счетам. Когда лежал в больнице, посмотрел фильм «Упасть вверх». Сравнил со своей жизнью. Я ведь пока расширял свой бизнес, рос и в собственных глазах, и в глазах окружающих. Но это внешняя сторона. А на самом деле не рос, а падал... Пусть и вверх, но падал. А рост подразумевает наличие прочного фундамента, морального в том числе. Его-то у меня и не было. Вот и приходится начинать все с чистого листа.

Поймав мой удивленный взгляд, пояснил: – Да, с чистого листа. Подлечившись, я буквально через неделю пошел к Ибрагиму – так зовут моего кредитора. То-то рты пораскрывали его охранники. Так, мол, и так, поступил по отношению к тебе подло, можешь делать со мной что хочешь. Но дай шанс. Уеду, говорю, опять в Сибирь, начну с менеджера крупной фирмы, платят там хорошо, накоплю и долг отдам. Не знаю, что сыграло свою роль, но «со счетчика» меня он снял... Так что уезжаю я опять в Сургут. Жена и Зиночка пока поживут в Мозыре... А вас прошу сохранить вот это, – и он передал мне папку. – Это мои раздумья о пережитом и о событиях, предшествующих этим раздумьям. Я имею в виду охоту на меня, ранение... Не знаю, в чем тут дело, но тянет меня к писательству. Пусть копия хранится у вас. Заодно оцените, стоит ли мне этим заниматься впредь, есть ли у меня, как у вас говорят, божья искра. Только прошу ничего не публиковать без моего согласия. Я дам знать, когда это можно будет сделать...

Мы попрощались. Он уходил по живописной аллее больничного сада, а я, глядя ему вслед, подумал о том, что выводы, о которых он только что рассказал, скорее всего, искренние. Убедился в этом еще раз, прочитав содержание папки. Да, досталось Коробкову немало. Но винит он в этом только себя. Кто-то из классиков верно заметил: ложь, неискренность перед самим собой – наиболее распространенная и самая низкая форма порабощения человека жизнью. И если в его дневниках конца 1990-х годов эта неискренность с самим собой была весьма заметна, то в нынешних записях он беспощадно срывает с себя все наносное и показное.

Я позвонил ему, попросил согласия опубликовать из 150 страниц лишь эти строки: «К чему я пришел? Одна семья разрушена, вторая вынуждена жить без меня, бизнес развалился, два избиения, две пули... Правда, в душе не чувствую разлада с самим собой. Может, потому, что, осмыслив все, пришел к одному-единственному выводу, причалил к берегу, к которому должен был причалить давно. Как бы там ни было, начинаю все с чистого листа... Начинаю с верой и надеждой, что на этот раз все будет у меня иначе». ■

